

Глава III

ИЗ ИСТОРИИ ТАМГОПОЛЬЗОВАНИЯ У ГОРЦЕВ (Вторая половина XIX — начало XX в.)

Существующая ныне литература свидетельствует о том, что возраст северокавказских тамг солиден, что они являлись, главным образом, атрибутом скотоводства, где они имели чисто владельческий смысл. И это не случайно, ведь как только тамга стала выполнять функцию *знака* собственности, она прочно закрепилась за один из первых помощников человека — конем. Это и понятно, потому что первым видом частной собственности «на пороге достоверной истории был домашний скот» [292, с. 104].

Изучение северокавказских тамг помогает выявить многие стороны взаимоотношений в этом обществе. В связи с этим интересным представляется изучение правовых норм владения как самим железным штампом, так и тамговым рисунком.

Историческую сущность тамг четко определил В. П. Пожидаев: «Тамгой на Северном Кавказе и в Закавказье называют знак собственности, налагаемый хозяином-скотоводом на свой скот — овец, коров и особенно лошадей для отличия стада одного хозяина от стада другого» [204, с. 240].

Функциональное назначение всех категорий знаков собственности по сословно-классовому, семейно-родственному принципу у кабардинцев впервые охарактеризовал канд. исторических наук Х. М. Думанов [70, с. 139].

Словом «дамыгъэ» или «лъэпкъ дамыгъэ» (тамга или родовая тамга) кабардинцы называли главный родовой знак, который ставили на круп, ляжку, лопатку лошадей, иногда коров. А дополнительный знак, ставившийся на щеках животных, — «нэпкъыжьэ» (подтаврок), «дамыгъэ къуэдзэ» (в языке кабардинцев Терского района, бывшей Малой Кабарды) представлял собой часто уменьшенное в 2—3 раза изображение основного тавра. Но ввиду того, что «изготовление железного трафарета требовало известных

расходов» [27, с. 104], то можно было создать легко еще один опознавательный знак, для чего нужна была лишь часть рисунка главного тавра. Например, одной их половинок основного рисунка тавра в качестве подтаврока пользовалась фамилия Бегидовых в сел. Чегем I (быв. Куденетово): Аналогично поступала фамилия Богатыревых из сел. Верхний Курп (быв. Инароково). Смотри тамги Бегидовых и Богатыревых в каталоге.

Конкретное назначение знака нэпкъыжьэ и знаков-надрезов на ушах — «тхъэбзэ» точно выявил Х. М. Думанов писавший о том, что они являются знаками «семейной собственности на мелкий скот» [70, с. 83].

Но подтаврок могли поставить и на лошадь в тех случаях, когда «одним тавром пользовались несколько хозяйств одной фамилии». При этом во избежание путаницы он выжигался на «правой или левой стороне шеи» [144, с. 28].

Аналогичное разделение тавр на фамильное «тукъум тамгъа» [172, с. 116] и на семейно-личное бытовало и в скотоводческой культуре карачаевцев и балкарцев, где наряду с ними практиковалось «множество форм ушного мечения» (эн, энле) [172, с. 118].

Для того чтобы молодое поколение обязательно и четко помнило свою фамильную тамгу, у горцев существовало множество традиционных приемов, помимо непосредственного хранения самого железного трафарета. Так, например, метили предметы патронимического пользования [212, с. 91]: участок земли, кош, котел и также личные вещи: оружие, посох, лопату, музыкальный инструмент. В сел. Урух (быв. Коголкино) нами был зафиксирован рубель, почти двухвековой давности, изготовленный И. Абазовым. Рубель имел на поверхности вырезанный четкий рельеф тамги, которым метили лошадей, и второй его же вариант, которым метили коров. Изготовленная из сухого твердого боярышника данная межпоколенная тамговая эстафета явно рассчитана была на несколько столетий, и его сегодняшнее качественное состояние тому лучшее доказательство.

Аналогичным образом тамговая память для будущего поколения закладывалась и на другом поприще: когда «одним из орнаментальных мотивов являлось изображение родовых тамг, особенно развитое в золотом шитье» [87, с. 264], ту же форму запоминания видим соответственно и у балкарцев «в аппликационных войлоках» [87, с. 264]. Следует сказать, что зарождение «орнаментального стиля, выполняемого знаками» [295, с. 193], должно иметь солидный возраст, но граница тамг и орнаментов — вопрос особый.

Поскольку горская фамилия имела на кладбище свой патронимический «участок» [109, с. 204], следует упомянуть роль тамги и здесь.

Традиционная структура композиции текстов на могильных плитах XIX — начала XX в., как правило, однотипна во многом. Наверху памятника эмблема ислама — полумесяц со звездой, а ниже орнамент. Под ним нередко изображали конкретный атрибут горского костюма, поясняющий пол погребенного: женский нагрудник или мужские газыри. Далее краткая молитва и имя погребенного. Еще ниже ставилась фамильная тамга и дата смерти. В самом низу схематические рисунки, поясняющие профессию: ножницы, крючок для удержания тесьмы, игла, шашка, кинжал, пистолет; четки, кубан, молитвенный коврик.

Фамильная тамга нередко ставилась и на боковых плоскостях памятника, изредка и на тыльной стороне — вероятно, эти варианты практиковались с целью экономии лицевой, главной площади памятника. Так же, как и на примере тамги, вырезанной на поверхности рубеля, каменные могильные плиты являлись надежной формой передачи тамги следующим поколениям. Например, на двух памятниках тамги были высечены как на лицевой, так и на тыльной стороне, что давало возможность опознать место захоронения и саму плиту с тамгой даже при повале памятника.

Проблема сохранения информации о тамгах прослеживается и у других народов. У туркмен, например, «голи племенные узоры, помещались на центральном поле ковра» [294, с. 152], или же «у йомутов при выходе девушки замуж в другой род родовой знак помещался на свадебных ковровых изделиях» [294, с. 158].

Мы присоединяемся к мнению профессора Л. И. Лаврова, что «тесные связи между родственниками и взаимное доверие, без которого подобные связи невозможны, позволяли прибегать к этим же трафаретам значительному числу однофамильцев» [127, с. 104].

Следует сказать, что одним тавром могли пользоваться не только люди, связанные узами родства, но и даже друзья и соседи. Предоставление железного трафарета с правом таврения им своего скота являлось показателем доверия и уважения. Доверенное тавро морально обязывало. По этому поводу бытовала пословица: «Дамыгъэм лыгъэ илэщ» (Тавро честью обладает).

Интересное сведение о тамге как о патронимическом документе, например у абазин, дает кандидат исторических наук Ш. Ш. Хуранов: «В народных преданиях говорится, что

если возникал спор о чьем-либо происхождении, то истец должен был доказать свою принадлежность к той или иной фамилии, представив оригинал тамги, сделанный из железа» [244, с. 157].

На материале кабардинского фольклора в подобные случаях мужчина предьявлял часть коромысла с тавром, для чего женатые братья, расселяясь, распиливали коромысло, меченное фамильным тавром, столько раз, сколько братьев.

Предоставление тавра второму лицу было бесплатным, а его изготовление — не везде. Например, в сел. Плановском (быв. Боташево)—20—30 копеек; в сел. Каменноостском (быв. Кармово)—2—3 рубля. Разница в цене *тавра* объясняется как сложностью конфигурации, так и дефицитностью железа в данном районе.

Фамильное тавро одновременно являлось классическим документом социального символизма. Например, жители сел. Плановского должны были пользоваться тавром Боташевых, жители квартала Жерештиево — тавром Жерештиевых и т. п. Подобная картина наблюдалась и в Балкарском обществе. Например, «жители Верхнего Чегема использовали тамгу Барасбиевых, Карасу — Суншевых (Сююнчевых), Хулама — Шакмановых» [172, с. 118]. Пользование тавром князей имело одно преимущество, потому что при этом возрастала «гарантия, что их скот никто не тронет» [172, с. 118].

Отмена крепостного права в Кабарде и Балкарии, переселенческая реформа, выселение горцев в страны Востока, уход многих владельцев на Кубань, гибель их в ходе Кавказской войны привели к большим социально-экономическим изменениям. Появляются ростки капиталистических отношений. Естественно, это повлияло на нормы тавровладения—появляется некая резервная группа тамг. По словам Л. И. Лаврова, «после смерти последних представителей известной фамилии их тамгу присваивала другая» [127, с. 105]. Начинается период, когда «крестьяне тоже стали пользоваться тамгой» [70, с. 83].

В пореформенный период выдвигаются «разбогатевшие кулацкие хозяйства» [146, с. 132], сумевшие поставить свое дело на передовые методы. Появилось немало крупных землевладельцев и скотоводов, «владевших табунами

лошадей, мелкого рогатого скота» [169, с. 49].

Для этого периода характерно осуществление древних тамг феодальных династий с тамгами, заимствованными из арабского, русского, грузинского алфавитов. Этим объясняется и весьма категоричное заявление части информаторов, что все тамги якобы являются начальными буквами имен, фамилий владельцев.

После отмены крепостного права появляется обилие новых фамильных тамг, в основной своей массе принадлежащих бывшим зависимым сословиям, сумевшим приспособиться к новым социально-экономическим переменам. Эта категория тамг характерна тем, что, как правило, они являются русскими буквами, соответствующими первой букве фамилии. Например, фамильная тамга Жолдашевых не что иное, как русская буква «Ж», у Керашевых — буква «К», а у Мурзабековых — монограмма из двух букв «М» и «Б». Впрочем, здесь легко впасть в крайность, потому что это могли быть и представители родов, некогда потерявших свои родовые тамги из-за каких-то социально-политических потрясений. Но вместе с тем следует заметить, что не каждое совпадение или сходство является фактом преемственности. Например, если жители сел. Лачинкай (быв. Тохтамышево) должны были метить скот графической основой фамилии Тохтамышевых, напоминавшей русскую букву «Х», то вполне естественно, что этим знаком пользовались также и представители фамилий, начинающихся с буквы «Х».

Такая же ситуация и с тамгой фамилии Беевых, которая, на первый взгляд, не что иное, как русская буква «Б», а между тем документально известно, что эта фамилия в прошлом числилась в уделе князей Ажгериевых [288, с. 31]. Основа тамги Ажгериевых — общеизвестный трезубец. Зная, к чему обязывала сословная принадлежность и частую форму вертикального изображения тамги, нетрудно догадаться, что в основе буквовидной тамги Беевых лежит тамговая основа их владельцев, изображенная вертикально.

Кстати, из-за отсутствия верной информации от предыдущего поколения некоторые сегодняшние информаторы не только склонны объяснить свои фамильные тамги буквами русского алфавита, но, на наш взгляд, иногда сами Дорисовывали штрихи, максимально приближавшие их к соответствующей русской букве, как, например, тамга Мазановых и Беевых.

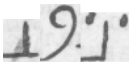
Можно встретить также ряд тамг, являющихся, по мнению профессора Лаврова, явными вариантами грузинского алфавита [130, с. 135]:

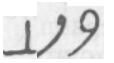
 тамга кабардинцев Дударовых — грузинская буква Т;

 тамга кабардинцев Клишбиевых — грузинская церковная Х;

 тамга балкарцев Урусбиевых — грузинская церковная [130, с. 125].

Встречаются также явные заимствования из арабского алфавита:

 - Тудуевы

 - Уардоковы

Перед нами первые три буквы фамилий, написанные на арабском языке.

Очень важную роль горские тамги имели в расчетных делах скотоводов. Например, «чабан вместо расписки давал хозяину отары выструганную палочку в 3—4 вершка (бирку) с пометками — зазубринами на обеих сторонах (пхъэибзэ) и вырезанной на конце фамильной тамгой» [144, с. 29]. Именно эта фамильная тамга позволяла помнить чабану, у какой фамилии он взял то или иное число овец.

С помощью тамги расчет производился и у балкарцев, в среде которых этот факт описан был Н. П. Тульчинским: «Он, хозяин, выделяет из своего стада около ста овец... Это маленькое стадо тотчас метится особым знаком. По истечении пяти лет весь приплод, а равно и помеченные бараны делятся пополам, одна половина идет в собственность работника и служит платою за труд, а другая половина идет владельцу» [295, с. 19].

Идентичную картину мы наблюдаем и у абазин. «Возвратясь с гор, каждое объединение строило специальную ограду, куда загоняли скот. Все члены объединения забирали оттуда своих животных, которые узнавались по специальным меткам...» [124, с. 67] «Абази́нам были известны два способа мечения скота: 1 — *дамыгъэ-анцлара*;

2 — хцIара *анцIара*. И тот и другой способ означает — нанести знак

собственности. Разница заключается в том, что 1-м способом (дамыгъэ) метили крупный рогатый скот, лошадей и отчасти мелкий рогатый скот и домашнюю птицу. Тамгу ставили путем выжигания: к телу животного прикладывали раскаленное железное клеймо. Рану посыпали солью и через некоторое время, когда спадал струп, на теле животного четко просматривался знак собственности. Животных клеймили в возрасте 1-1,5 лет. Лошадям тамгу ставили на крупе или на задние ляжки. Крупному рогатому скоту тамгу ставили только на задние ляжки. Случалось так [124, с. 68], что два брата пользовались одним и тем же знаком. Чтобы не перепутать животных, они заранее договаривались, кому какой бок метить: старшие метили правый бок, а младшие — левый.

«Дамыгъэ» передавалась по наследству, и имели их только владетельные лица. «Дамыгъэ» позволяла быстро находить то или иное животное в большом стаде, табуне, отаре. В том случае, когда пропадала какая-нибудь скотина, знаки собственности того или иного князя были известны не только внутри одного его селения, но и далеко за его пределами, и каждый, кто обнаружит животное, считал своим долгом доложить об этом хозяину. Последний в свою очередь за приятную весть щедро одаривал вестника. Принцип нанесения знака собственности «хцIара» заключался в том, что тамгу наносили только на уши путем отрезания кончика ушей (пхьырса), надрезов (шIырса), проколов (кIылшIара). Но иногда на мелком рогатом скоте можно было встретить оба знака собственности: надрез или прокол на ушах и «дамыгъэ» на щеке. Термин «хцIара» встречается и в другой отрасли хозяйственной деятельности. Каждая хозяйка метила свою домашнюю птицу (кур, гусей, индеек и т. д.) путем отсечения когтя на каком-нибудь пальце ноги [124, с. 69].

Родовые тамги несли в горском обществе и функцию «производственного клейма» [127, с. 103], поскольку многие владельцы табунов занимались селекционной работой. Так, были известны, например, следующие породы лошадей, названия которых происходили от фамилий владельцев: щолэхъу (Шолохов), абыкъу (Абуков), бекъан (Беканов), къудаш (Кудашев), егъэн (Еганов), хьэгъундокъуэ а (Хагундоков), трам (Трамов), абзон (Абезуанов), къундет (Куденетов), есеней (Есанеев), мэршэн (Маршенев),

жарэщты (Жерештиев), шеджэрокъуэ (Шегероков), къэбан (Кабанов), ачэтыр (Ачетыров), къурэлей (Куралеев), ло (Лоов), кърымшоққал (Крымшокалов), дэндыр (Дандыров). Перед нами фамилии кабардинских, адыгейских, черкесских, осетинских, абазинских, карачаевских, ногайских владельцев, занимавшихся селекцией в коневодстве и сумевших вывести свои породы лошадей. Каждая из них имела свои достоинства и обязательно носила фамильную тамгу селекционера в качестве производственного клейма, поскольку у них имело место «линейное разведение». Обычно каждое семейство коннозаводчиков старалось свою лошадь разводить в чистоте и совершенствовать [189, с. 226]. Например, про абуковскую породу бытовала общеадыгская пословица: «Зы абыкъурэ, зы аркъэнтре уиIэмэ уунагъуэщ» (Если ты заимел лошадь абуковской породы и аркан, ты уже имеешь семью).

К тавру владельцы относились очень ревностно, стараясь не скомпрометировать свой символ социального и родового статуса. Идя на скотокрадство, они иногда ухищрялись осуществлять это на краденой лошади с чужим тавром или же на своей, на которую, как и в первом случае, с целью дезинформации преследователей предварительно ставили чужое тавро. Похитителю же, под которым погибала лошадь с его собственным тавром, ничего не оставалось, как срезать тавро.

О кабардинцах «своим коневодством приносивших и приносящих немалую пользу государству» [117, с. 223], писал генерал Смекалов 24 января 1889 г. Эту характеристик можно отнести ко всем горским коневодам, чьи лошади регулярно отправлялись в русскую армию.

Аналогичное явление наблюдалось и в среде балкарских животноводов. Например, «на выставке в ст. Прохладной в 1900 г. лошади коннозаводчика Н. Урусбиева были отмечены малой серебряной медалью» [208, с. 240].

Л. И. Лавров характеризует четыре функции кавказских тамг: знака собственности, производственное клеймо, печать или подпись, герб [127, с. 91]. Есть основания полагать, что в кабардинском обществе бытовала категория тамг совершенно иного назначения.

Общеизвестно, что каждый народ выработал свои методы общественного порицания. По нашим материалам, у кабардинцев эти тамги по степени суровости можно разделить на три категории:

а) когда она касалась лишь одежды: рубашка труса,

черный шерстяной колпак труса [185, с. 127], прожженная шапка труса [29, с. 93];

б) когда она касалась следующих понятий достоинства: усы, борода, волосы;

в) когда знак наносили непосредственно на самое тело: лоб, щека, нос, уши, палец, спина.

Последняя группа тамг кабардинцами называлась собирательно «тхьэгъэпцI дамыгъэ» (тамга клятвopеcтупника, предателя), а тамга, наносимая на щеку, имела еще и свое название — «нэкIу дамыгъэ» (лицевая тамга). О том, что знаки на лице соотносились с понятием чести, повествует, например, бытовавшая в прошлом в сел. Каменноостском поговорка, которой подзадоривали нерешительных драчунов-подростков: «Япэу емыуэнум Думэнхэ я нэккыжьэр и нэкIум тыраудзэ» (Тому, кто не ударит первым, пусть на лицо поставят подтаврок Думановых). Последний состоял из двух параллельных линий, выжигаемых вдоль морды овцы. Следует упомянуть и бытовавшие формы словесного ручательства за правдивость даваемых слов: «Ар мыпэжмэ, си пашIр уэзгъэупсынщ» (Если это неправда, то сбреешь мне усы); «Ар мыпэж мэ, си пэнцIывыр позгъэупщIыынщ» (Если это неправда, я согласен не отсечение кончика носа). Подобные заверения означали, что люди знали такие тамги в качестве традиционных знаков позора, идущих вразрез с понятием *адыгэ напэ* (адыгская честь) [29, с. 93].

По этим знакам в литературе пока ничего фактически определенного нет. По нашим полевым материалам ясно лишь одно: на лице они вырезались, точнее, надрезались или выжигались в виде какой-либо прямой линии, а на лопатке только выжигались. Упомянутую группу тамг точнее было бы назвать порицательно-опознавательными. Существовавшее в народе мнение, согласно которому в кабардинском обществе князь метил левую ляжку, дворянин — правую, а простолюдин тоже левую, но ниже того места, где ставил тамгу князь, вероятно, некогда имело место. В. П. Пожидаев комментировал этот факт следующим образом: «...во избежание недоразумений в Большой Кабарде лошадь уорка метилась на левой ляжке, лошадь крестьянина на правой; однако, в Малой Кабарде этого обычая не придерживались строгой» [202, с. 37].

В доказательство данного обычая можно сослаться и на И. А. Гюльденштедта: «...тамгами княжеской фамилии Беслен, зарисованными им в 1774 году, были помечены именно левые ляжки» [127, с. 91].

Поскольку первоначальными обладателями фамильных тамг были «только князья и уорки» [70, с. 83], то поговорка

«Дэмыгъэ зытрадзэр шэсырабгъурщ» (Тавро ставят на ту сторону, с которой садятся, т.е. слева), вероятно, является отголоском того, что данный социальный символизм некогда действительно имел место.

Русские художники прошлого, писавшие кабардинских всадников, тоже помещали тавро на левых ляжках, например, тавро князей Шолоховых. Для общества, где отсутствовали инстанции, определявшие стандартные параметры качества продукции, тавро несло большую ответственность, ложившуюся как на тех, кто их ставил, так и на тех, кто ими обладал: «...приемщика Фролку Минаева бить кнутом и сослать в Азов, пусть не ставит клейм на плохо сделанное оружие», — писано в одном из петровских указов [298, с. 48].

Тамга, действительно, чтилась у горцев, другими словами, «ее хранили и берегли как дорогую реликвию» [145, с. 53]. О том, как ревностно относились к фамильному тавру в кабардинском обществе, предание повествует следующее. Когда в Кабарде появилось слишком много лошадей с тавром редкой известной породы шолох, настоящий владелец табуна этой породы Шупаго Талостанов решил их разоблачить. Для этого он объявил, что устраивает смотр всех лошадей шолохской породы, для чего предварительно приготовил большую изгородь, высота которой могла быть преодолена лошадьми лишь чистой шолохской породы. Когда все лошади с тавром «шолох» были помещены туда, Талостанов влетел верхом с длинной хворостиной и стал хлестать табун. Чистокровные быстро перемахнули через преграду и оказались на свободе, полукровки повисли на нарочно заостренных кольях изгороди, а все остальные остались в загоне. Предание гласит, что это разоблачение стоило ему жизни. Это предание имеет в народе несколько вариантов.

В тех случаях, когда одинаковым тавром метили скот владельцев и его подданных или же метили скот тавровладельца и того, кто одолжил тавро, появлялась необходимость отличать свою собственность. Для этого можно метить разные стороны животного или же разные части тела одной стороны: один ляжку, другой лопатку, третий шею; можно менять и угол рисунка тавра. Однако практика (хищение, подделка, порча) показала недостаточность этого арсенала. Поиск привел к появлению двух дополнительных знаков — «бжьэибзэ» (надрезанный рог) и «пашIэжьэ» (жженая губа). Первый представлял собой какой-нибудь производный штрих, вырезанный на рогах. О назначении второго знака единого мнения в среде наших информаторов нет, в литературе этот знак пока не описан.

По мнению одних, эта прямая или дугообразная линия,

выжигаемая у края губ на том месте, где удила входят в пасть лошади, является дополнительным опознавательным знаком. Другие считают его средством против тугоуздия, потому что боль, причиняемая коню при нажатии удила на обожженный угол губ, заставляла животное подчиниться.

Кстати, проблему тугоуздия действительно приходилось решать горским животноводам, недаром при первом седлении коня «поэтическим словом, характерным для горского обряда» [299, с. 69] произносили следующую заповедь (хъуэхъу):

Яльхъ, 1эк1э 1эсэу,
Лъэк1э псынщ1эу
тхуэщ1!

(О, Аллах, сделай его покорным руке
И скорым на ногу!)

Третьи же отрицают существование подобного знака вообще и как средство против тугоуздия приводили свой метод, заключавшийся в том, что внутреннюю сторону удила закуривали и образовавшиеся острые шипы удерживали коня.

По мнению четвертых, этот знак «паш1эжьэ» имел два значения: опознавательный и средство против тугоуздия.

Главной причиной появления этого знака, на наш взгляд, является все-таки проблема тугоуздия, хотя позже, естественно, он остался как один из опознавательных штрихов. По словам 98-летнего Х. С. Мусукова в Верхней Балкарии, этот знак на губу лошади наносили в день скачек, и именно непосредственно перед началом состязания.

Сказанное выше показывает, что серьезное изучение обычных норм тавровладения у кабардинцев и балкарцев поможет осветить многие аспекты экономических, сословных, правовых, патронимических, родственных взаимоотношений в горской среде.

Интересные факты, связанные с локализацией патронимии, дают сопоставления сходных фамилий с их тамгами. Эту группу можно разделить на две категории. Первая — это те фамилии, у которых изменение фамильного имени произошло минимально — к нему прибавилось исконно-адыгское патронимическое окончание «кьюэ» — сын. Например: Елдар — Елдарыкьюэ; Щам — Щамыкьюэ. (Елдаров - Елдароков, Шамоу - Шамоуков). Сравнивая имеющиеся в нашем распоряжении тамги из 75 фамилий, насчитанных нами в кабардинском языке, удалось выявить 11 совпадений и сходств графической основы тамги.

Вторая группа представляет собой категорию фамильных

имен, между которыми нет совершенно этимологического сходства в данное время. Речь идет о тех родах, часть которых в разное время полностью сменила фамильное имя. Их количество вместе с теми, кто имел в прошлом и фамильные прозвища, в книге [300] кандидата филологических наук И. Х. Пшибиева доходит до 170. Рассматривая их через призму тамговой взаимосвязи, можно заметить 5 случаев сходности, которые никак не могут оказаться фактами конвергенции.

Фамильные тамги у адыгов, за исключением тамги Трамновых, не имели своих собственных названий, произошедших от формы знака, как это, например, широко было распространено у ногайцев, и потому они так и назывались с упоминанием фамилии владельца: «Мысост дамыгъэ» - тавро Мисостовых, «Щолэхъу дамыгъэ» — тавро Шолоховых и т. д.

Собственные названия имеют лишь подтавровки, являющиеся, как правило, простейшими геометрическими фигурами: круг — хъурей, полукруг — хъурейныкьюэ, треугольник - щимэ, четырехугольник — пл1имэ; или же контурами каких-нибудь предметов быта: крюк — жьэк1адзэ, трехшиповая вила — гуахъуэжьыщ, ножницы — лэныстэ, подкова — нал и т. д. Тамга же Трамновых стала исключением, на наш взгляд, по причине ее совпадения с одним из основополагающих элементов адыгейской орнаментики — лирообразного знака или же сердцеобразного. Кстати, картонную масть пики адыги поэтому называют «трамэ». Указанный знак стойко прослеживается в хронологическом диапазоне от археологических материалов античности Северного Причерноморья [54, с. 67] до этнографических материалов XX в.

Горский обычай пользования тамгами охватывал множество сторон, касающихся как сословных этнических родственных отношений, так и обычных бытовых явлений семьи и патронимии. Основополагающим фактором при этом является ее отношение к имуществу: домашний скот и предметы быта.

После отмены крепостного права частичному изменению подвергся не только обычай пользования тамгами, а сам источник тамг. Обычай пользования тамгами показывает, что патронимическая тамга являлась свидетельством коллективной защиты стада» [212, с. 92].

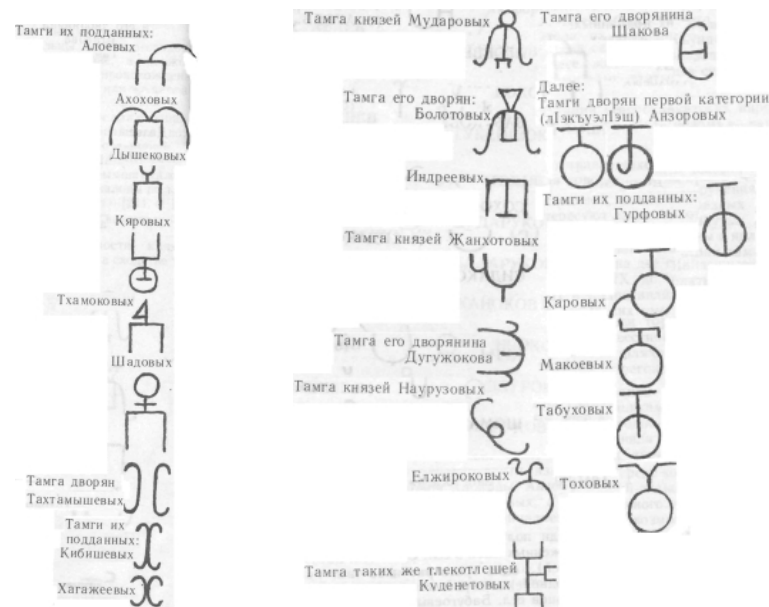
Исходная форма:	Поздняя форма:	Исходная форма:	Поздняя форма:
АБАЕВ	АБЕЮКОВ	ШАМОВ	ШАМОКОВ
АШАБОКОВ	АШАБОКОВ	АГОЕВЫ	КУЖЕВЫ (б. АГОЕВЫ)
ГУКЕПШЕВ	ГУКЕПШОКОВ	АГОЕВЫ	ТХАКУМАЧЕВЫ (б. АГОЕВЫ)
ДАУТОВ	ДАУТОКОВ	АГОЕВЫ	ГУЧЕВЫ (б. БАБУКОВЫ)
ДУДАРОВ	ДУДАРУКОВ	БАБУКОВЫ	ЖАМБОРОВЫ (б. СОХОВЫ)
ЕЛДАРОВ	ЕЛДАРУКОВ	СОХОВЫ	КАЖАРОВЫ (б. СИДАКОВЫ)
ЖАНОВ	ЖАНОКОВ	СИДАКОВЫ	ШОМАХОВЫ (б. КУРЖЕВЫ)
КАЗАНЧЕВ	КАЗАНЧОКОВ	КУРЖЕВЫ	ХАФИЦЕ (б. ШОМАХОВЫ)
КАНДАУРОВ	КАНДАУРОКОВ	ШОМАХОВЫ	
КОШЕВ	КОШРОКОВ		
КУЧБОВ	КУШБОКОВ		
МАЗОВ	МАЗОКОВ		
СОХОВ	СОХРОКОВ		

В период феодальной истории Северного Кавказа родовой тамгой обладали лишь князья и дворяне, а позже - состоятельные скотовладельцы незнатного происхождения, одалживавшие тамгу какого-нибудь феодала или же вариант ее рисунка.

Тамга оставалась единственным средством для опознания и удостоверения подлинного владельца пропавшего, похищенного животного, косяка или же табуна.

По данным Ш. Ш. Хуранова, когда абазинский наездник Идрис Камбиев угнал табун лошадей Крымшамхаловых в 50 голов и продал его казакам, «Крымшамхаловы по тамге узнали одну свою лошадь и распутали всю цепь» [244, с. 160]. Подобные факты во всех горских обществах прошлого были весьма типичными и частыми.

Феодально-сословный принцип зависимости: князь - дворянин — простолюдин — прослеживается в сходстве тамг указанных сословий. Например:

Среди полутора сотен кабардинских фамильных тамг, обнаруженных мной в сел. Сармаково (быв. сел. Бабугово — Бабыгуй), фактически одна треть рисунков тамг является производной от графических основ фамильных тамг бывших владельцев сел. Бабугоевых.

А по сообщению 80-летнего информатора М. А. Халишхова, жителя сел. Чегем (быв. сел. Куденетово — Къундетей), почти все жители их селения в прошлом пользовались рисунками тамг, взятых с основы тамги владельцев селения Куденетовых.

ГОРСКИЕ ТАМГИ В РУССКИХ АРХИВАХ

Депутации северокавказских народов, отправляющихся к русскому двору «бить челом»,— как тогда говорили,— по давно существовавшим обычаям брали с собой определенное число верховых лошадей, аргамаков¹. В ходе вручения этих даров их не раз описывали. Среди разнообразных форм исторических сведений, заключенных в упомянутых документах, нас интересуют лишь те, которые связаны с явлениями этнокультурного аспекта, а именно: категории тамговых знаков и их носителей — лошадей. Найденные образцы документов хронологически можно разделить на две группы: первая — с XVII по XVIII в., вторая — XIX до начала XX в. Необходимо отметить, что указанные дары являлись не единственными формами проникновения горских тамг в Россию. Народы Северного Кавказа издревле вели торговлю с Центральной Россией. Так, например, общеизвестной была историческая трасса, названная «ногайский шлях» [304, с. 298], которая веками использовалась «для перегона скота на русский рынок» [302, с. 298].

Исследователь М. В. Фехнер не без основания считал ногайцев Северного Кавказа главными поставщиками русского рынка. По его данным, еще в XVI в. ежегодно в одну лишь столицу Русского государства пригоняли около 10 тысяч лошадей, в отдельные же годы их количество доходило до 25—27 тысяч, а овец до 4 тысяч голов. Отсюда следует, что население Центральной России, в среде которого издревле существовала масса своих категорий-знаков собственности для мечения домашнего скота и иного имущества — мета, пятно², тавро, тамга,— имело возможность знакомиться с тысячами северокавказских тамг. В этих документах можно заметить фамильные тамги известных в прошлом владельцев средневековой Кабарды: Анзоровых, Касаевых, Лафишевых, Наурузовых, Шогеновых, а также множество ногайских тамг, фамильную принадлежность которых пока установить не удалось.

1 . А р г а м а к — верховая лошадь (тюрк.).

2 . В России практиковались 4 вида пятна: государственное, волостное, монастырское, писчее.

Другой ценной стороной этих архивных документов является их дополнительное свидетельство массового проникновения разных пород горского скота в глубь России. Последнее, разумеется, влияло на естественную селекцию самих конских пород и других видов скота. Вполне естественно, что аналогичная метизация скота происходила и на территории Северокавказского региона. По сообщениям Б. Б. Кочекаева, сама «ногайская лошадь представляла помесь с кабардинской породой, а также с породами, заимствованными от прикубанских горцев» [113, с. 64].

Своеобразной дополнительной информацией о сложных и тесных политико-территориальных, сословно-династических и этнокультурных контактах ногайцев с остальным горским миром является как наличие у тех ряда фамилий явно ногайского происхождения — Есеней, Кандауров, Клычев, Наурузов, Ештреков, Жанхотов, Жамбеков, Найманов, Цеев, Шорокада, Тамазов, Алтыяк, Карамурзов, Нагоев, так и масса совпадающих тамг. Например, по таблице Л. И. Лаврова насчитывается 31 абсолютное совпадение (19 с адыгскими, 8 с абазинскими, 4 с карачаевскими). По таблице же другого исследователя, Ш. Ш. Хуранова [244, с. 163—188] число совпадений абсолютных и схожих с ногайскими составляет 23 тамги.

К фактам этнокультурной интеграции надо отнести и вышеупомянутое влияние на кабардинскую породу лошадей ногайской, «долгое время разводившейся в непосредственной близости от районов разведения кабардинской лошади» [303, с. 127]. Здесь небезынтересно будет отметить, что самый известный витязь кабардинской истории легендарный герой Андемиркан согласно устному народному творчеству получил своего скакуна от ногайцев. Из истории тамг в русских документах есть один крайне любопытный документ, датированный 4 ноября 1627 г. Из Астрахани в Москву отправляется группа кабардинцев во главе с Каншов мурза Битемрюковым, но, в отличие от обычных горских deputаций, она экипирована не местными лошадьми, более того, и тамги на них не горские. Документ сообщает: «...под Каншов, государь, мурзу с людьми под запас... дали государственных коней и жеребцов и кобыл, и мечены они государственным пятном за орлом» [89, с. 112]. Чем объясняется такое исключение? Ответ заключается в особой миссии этой группы. Среди документов, датированных лишь тремя годами (1627—1629 гг.), насчитывается 9 экземпляров, относящихся к разработке серебра на Северном Кавказе. А на Каншов Битемрюкова как раз и пала историческая ответ-

ственная миссия первым из кабардинцев уведомить русское государство об этом и помочь русским рудознателям в обнаружении и его разработке. Поскольку серебро являлось важнейшим валютным сырьем, то, естественно, безопасность этой миссии должна была быть гарантирована.

Не претендуя на прямую этногенетическую взаимосвязь, необходимо отметить, что совершенно аналогичная традиция, порожденная такими же мотивами, была у кабардинцев, балкарцев и других горских народов. Дело в том, что по феодальным канонам фамильные тамги имели лишь феодальные круги, а жители удельных аулов или кварталов метили тамгой своих владельцев, т. к. при этом «возрастала гарантия, что их скот никто не тронет» [172, с. 118]. Действительно, тамги горских владельцев давали гарантию лишь в пределах Северокавказского региона, а за его границами, в пределах Русской империи, необходим был уже сам имперский символ — герб самодержавия, т. е. «государство пятно за орлом». На наш взгляд, именно этим объясняется подобное исключение в таврении отправляемых лошадей.

ЦГАДА

ф. «Кабардинские дела», № 115*

«1630 год, дело-3, л-54

Шолох Сунгелевич повез два жеребца тавра

1 — без тавра;

2 — «жеребец аргамачии сер. семи лет на левом от караку

тавра »

1631 год, д-6, л-2,3

Каншао Битемрюков бьет челом... «аргомак рыж грива налево восьми лет на левом бедре пятно на обеих сторонах подпарины ** да жеребец аргамачии на левом бедре пятно на обеих сторонах подпарины»

1631 год, д-7, л-48

Килмамат-мурза Куденетов

* Автор признателен В. Н. Сокурову, обнаружившему эти ценные Данные, за предоставленную возможность использовать их.

** П о д п а р и н а — подбитый седлом желвак [304, с. 195].

1 — «у задней ноги пятно в letech»;

2 — «да жеребец шесть лет тавра »;

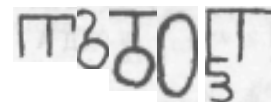
4 — «на правом короку тавра».

1631 год д-8, д-16

Боруко-мурза Арасланов «жеребец — на левой окороку тавра»

«да жеребец аргамачии семь лет тавра»
1634 год, д-2, л-24
Кильмамат дерит

«аргамаги с таврами»

1638 год, д-2, л-24 От черкесского владельца

1 — «тавра»

2 — «темно-бур. тавра»

3 — «аргомак»

1638 год, д-2, л-13 Цирхов Мурза

Ильдар Куденетов (дарит)
«тавра» 1634 год, д-1, л-209>

Сунгелей Сунгелеевич на правом
окороку тавра

1638 г. Память из Конюшенного приказа в Посольский приказ об оценке лошадей, приведенных к Москве кабардинскими мурзами и тарковским послом:

Цирхов-мырза Аросланов государю челом ударил... агромак темно-сер., грива направо, на левом бедре два кольца.

Да тарковский Суркай-мурза государю челом ударил... иноходец агромачей сер., грива направо, на левом бедре два кроука».

ДОКУМЕНТ № 177

«1647 г. между июня 10 и августа 31. Роспись, составленная в Терской приказной избе, с перечислением лошадей, купленных кн. Муцалом Сунчалеевичем Черкасским для отсылки в Москву.

Жеребец аргамачей рыж., осьми лет, во лбу лысина, грива направо, задняя левая нога повыше щетки бела, а у правой у задней ноги пониже щетки копыто бело ж, на левом окороку

У задней ноги тавро на заднюю на левую ногу припадает.

Жеребец аргамачей сер., грива направо, 10 лет, лысина до губы, на исподней губе немного бело, тавры нет.

Жеребец аргамачей темно-гнед., 10 лет, грива

направо, задней ноге на правом окороку тавро,
на правом глазу
туск, челка коротка
[89, с. 285]».

Десятки тысяч голов скота, изъятых у горцев в ходе карательных экспедиций Кавказской войны в качестве трофея, оказывались в полном распоряжении царской администрации. Явление это продолжалось вплоть до 60-х годов XIX в. Кстати, в архивных документах они так и назывались: «...отбитые у кабардинцев»¹.

Особенно это широко практиковали генералы Вельяминов, Засс, Булгаков, Дельпоццо, когда «кабардинские табуны разграбленными» доставались «войскам как военная добыча и положили основание кабардинским табунам у наших казаков». Но, как писал исследователь Д. Дубенский «казаки вели свои табуны, не придерживаясь системч кабардинцев... а потому их лошади стали вырождаться» [64, с. 12].

Подобный факт имел место, например, 25 апреля 1810 г., когда «карательный отряд Булгакова соединился с отрядом генерал-майора Дельпоццо»², в результате которого было «угнано 20 тысяч голов скота»³.

Отобранный скот тщательно описывали, при этом любопытно заметить, что манера описания внешности лошадей в русских архивах не изменилась с начала XVII в. по начало XX в. Они удивительно стандартны и сложены по структуре: пол, цвет, направление гривы и рисунок тамги.

Приведем один из таких документов, ценных тем, что он содержит описание тамг на нескольких десятках лошадей кабардинского табуна первой четверти XIX в.

Во-первых, наличие на лошадях 28 из 36 тамг с единой графической основой говорит о том, что табун был не сборным, а являлся имуществом конкретного владельца;

1. ЦГА КБАССР, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 6, л. 73, 1822 г.

2. История. КБАССР. Т. 1. С. 227.

3. Там же.

во-вторых, это соотношение: один жеребец на 35 кобыл -обычная масштабная единица кабардинского табуна, называемая «хакIуапщIэ»;

в-третьих, документ подтверждает наличие одновременно и на лопатке и на ляжке тамги;

в-четвертых, одна из ценных сторон документа состоит в том, что он был создан до отмены крепостного права, когда родовая тамга несла свою классическую функцию социального символизма, согласно которому, например, из 33 случаев упоминания меченой стороны лошади 30 из них приходится на правую сторону, которую, по обычаю, таврили дворяне. По всем нашим данным табун принадлежал кабардинскому дворянину Кандаурову, чье село было расположено «по реке Урвань» [289, с. 268] и который, по данным переписи 1825 г., числился среди тех, кто «бежал за Кубань» [289, с. 270]. Дело в том, что 2 апреля 1822 г., то есть за два месяца до составления этого списка «отбитого у кабардинцев» табуна, полковник Коцырев двинулся на речку Нальчик и занял аулы Шауапцова и Кандаурова [206, с. 55].

Представление о той стороне лошади, на которую ставили тавро кабардинцы в первой четверти XIX в., дает следующий документ.

«Управление кабардинской линии»

Рапорт кордонному командиру о состоянии войск пехотного полка, о размене пленными, о переселении кабардинцев на равнину.

Начало 30 / V — 1822. На 180 листах.

Окончено 25 / I — 1823. л. 73—74 об.¹

Опись отобранным лошадям из числа отбитых у кабардинцев для казенных заводов, согласованного указом господина кордонного командира корпуса, в том числе семнадцать с жеребятами и одному жеребцу.

Июня 5 дня 1822 г.

1 — Кобыла гнедая, грива направо. На правой передней

лопатке тавро ... с жеребенком гнедым.

2 — Кобыла карая, грива направо, на правой передней лопатке, на заднем правом кострице , с жеребенком.

3 — Кобыла карая, волос лоб лысина, грива налево , на правой передней лопатке , на задней правой стороне (?) с жеребенком.

4 — Кобыла серая, яблочная. Грива на обе стороны... на передней лопатке тавро, на правой заднице кострица.

5 — Кобыла серая, яблочная. Грива на обе стороны, на передней лопатке. Напротив задницы кострица, с жеребенком.

6 — Кобыла гнедая, грива направо, на правой передней лопатке тавро, с жеребенком.

7 — Кобыла гнедая, грива на обе стороны, во лбу белая звезда. На правой передней лопатке тавро с жеребенком.

8 — Грива налево. Во лбу звезда, на левом (?) на правом (?)

9 — Грива налево, тавро на правой лопатке кострица

10—Грива налево, тавро на правой лопатке, кострица, во лбу звезда.

11 — Гнедая, грива налево, волос лоб лысина, тавро на правой лопатке.

12— (?) грива направо, тавро на правой лопатке

13—Темно-гнедая, грива на обе стороны тавро (...) (здесь и далее неясные слова документа мы заменили многоточием.— *Х. Я.*) на (...) от лопатки.

14 — Кобыла светло-короковая. Грива налево (...) лоб (...) белый, тавро на передней правой лопатке, с жеребенком.

15— Кобыла гнедая, грива направо, на лбу малое белое пятно, на правой лопатке, с жеребенком.

16 — Кобыла белая с крапинами, грива налево, тавро на правой лопатке, на левом кострица.

17— Кобыла гнедая, грива налево, с отметиной во лбу, малое (...) тавро на правой передней лопатке.

18 — Кобыла темно-гнедая. Грива на обе стороны, на правой передней лопатке, кострица

19 — Кобыла серая. Грива направо с отметиной, на передней лопатке тавро, с жеребенком.

20 — Кобыла гнедая, грива налево. Тавро на правой лопатке.

21 — Кобыла светло-серая. Грива направо, на правой передней лопатке тавро

22 — Кобыла серая, грива налево, тавро на правой лопатке, кострица

23 — Кобыла белая с крапинами, грива налево, с отметиной во лбу. На правой ляжке, кострица с жеребенком.

24 — Кобыла белая с крапинами, грива на левую сторону, тавро на левой лопатке.

25—Кобыла темно-сивая. Грива на левую сторону, на задней ляжке кострицы тавро, с жеребенком.

26 — Кобыла сиво-чалая, грива направо, на верхней губе белое пятно, тавро на правой ляжке, с жеребенком.

27 — Кобыла белая, грива налево с отметиной, волос на лбу лысина. На передней правой лопатке... (лист оторван).

28 — Грива налево с отметиной, во лбу белой... тавро на правой передней лопатке, на кострице.

29 — Гнедой, грива направо с отметиной. На обе седельные белые подпалины на и задней левой ноге тавро, во лбу белое пятно.

30 — Кобыла. Грива налево, волос спины черный, между ноздрей белизна, на левой передней лопатке тавро.

31 — Кобыла белая с крапинами. Грива налево, на левой передней лопатке, с жеребенком.

32 — Кобыла рыжая, грива налево. Тавро на правой лопатке, на кострице, на лбу белое пятнышко.

33 — Кобыла серая, грива налево, тавро на правой лопатке, на кострице, с жеребенком.

34 — Кобыла сивая, грива налево, на правой передней лопатке тавро с жеребенком.

35 — Кобыла серая, грива направо с отметиной, на правой передней лопатке тавро.

36 — Кобыла гнедая, грива налево на правой передней...

**Кордонному командиру
господину полковнику
Подпряткову».**

Документ касается жителей аула Абезыванова (квартал современного сел. Куркужин) и жителя аула Хаджиева (квартала современного сел. Малка). Жители первого: Хусен Абезыванов, Жандар Абезыванов, Хажи Курманов, Теуважуко Бешанов, Булау Машуков, Хадис Коков и житель второго Муса Хаджиев распиской, данной узденю аула Абезыванова Ильясу Карданову, удостоверяют, что «действительно у него Карданова в прошлом 1857 г. из табуна уворовали пять кобылиц»¹. В документе далее приводится рисунок тамги фамилии Кардановых; стоявшей на похищенных лошадях. Из числа заявителей к документу именную печать приложили Хусен Абезыванов и Муса Хаджиев, а по просьбе остальных расписался писарь Петров.

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 2, л. 74. Начато 15 янв. 1858 г., окончено 6 февр. 1859 г.

«Управление кабардинского округа

УДОСТОВЕРЕНИЕ ¹

1853 года сентября 21 дня мы, нижеподписавшиеся жители аула Абезыванова, даем сие удостоверение нашего же аула узденю Ильясу Карданову в том, что действительно у него Карданова в прошлом 1857 г. уворовали из табуна пять кобылиц. Приметами 1-я темно-гнедая 5 лет со звездочкой на лбу; 2-я темно-гнедая 5 лет; 3-я рыжая 5 лет, 4-я светло-гнедая 8 лет, ноги задние несколько белые и на лбу лысина и 5-я буланая 5 лет, все пять с моим тавром

, в чем и удостоверяем владельца Абезыванова

аула Хусейна Абезыванова, по неумению грамоты приложил именную печать (?). Владелец аула Хаджиева Муса (74 об.) Хаджиев прилагает именную печать; Эфенди аула Абезыванова Хажи Курманов, узденъ Теуважуко Бежанов, Трах Нахушев, Булау Машуков, Хадис Коков и Жандер Абезыванов — и по незнанию российской грамоты и по их просьбе подписался писарь Петров».

В следующем документе житель Большой Кабарды Шаомуко Шогенов жалуется, что «назад тому года три»², то есть в 1855 г., у него похитили кобылу под тавром Шогеновых. Будучи в Малой Кабарде в ауле Бороково (современное сел. Арик, Терского района КБАССР) Шогенов обнаружил и опознал свою кобылу у Пшимахо Ахметова, который отказался вернуть ее, ссылаясь на то, что купил ее у какого-то назрановца (ингуша.— Х. Я.). Данный эпизод является очень типичным для того времени. Дело в том, что трасса, идущая через реку Терек, была традиционной и одинаково надежной для скотокрадов как кабардинских, так и чечено-ингушских. Существовало даже определение: «Тэрч исыкIящ ар» (Уплыло за Терек), что по смыслу соответствовало русскому: «Ищи ветра в поле».

В данном случае факт обнаружения своей похищенной кобылы вряд ли произошел случайно. Более вероятно следующее: тамга Шогеновых была известна почти всем адыгам и абазинам, впрочем, как и сама фамилия — самая

распространенная у адыгов. Скорее всего Шогенова о местонахождении его кобылы с его тамгой известили лица, заметившие это. Исходя из этого, ясно, что, во-первых, все жители данного аула знали тамги своих земляков, это давало возможность опознать не только свое имущество, но и имущество земляков; во-вторых, русская судебная администрация сочла горскую тамгу «удостоверением на предоставление ему вышеуказанной кобылицы»¹, потому что это было единственным юридическим способом индивидуальной и коллективной формы защиты имущества.

«№ 673

Управление кабардинского округа ²

20 мая 1858
Кундухову
от адъютанта

г. майору

Житель Большой Кабарды Шаомуко Шогенов объявил жалобу, что назад тому года три как у него украдена кобылица масти серой под тавром , по многим розыскам он не мог ее найти, а в прошлом году весной ездивший по надобности в Малую Кабарду нашел ее у малокабардинца аула Борокова Пшимахо Ахметова, которого хотя просил о возвращении означенной кобылицы, он объяснил, что приобрел ее от какого-то назрановца и потому не отдает ему.

Вследствии по приказанию г. начальника Кабардинского округа представляла при сем Вашему высокоблагородию просителя Шогенова имеющего удостоверение на предоставление ему вышеуказанной кобылицы, имею честь покорнейше просить распоряжения вашего о возвращении Шогенову его кобылицы, а Ахметову не признаете ли возможным предоставить с тем лицом, у кого он приобрел ее, и о последующем не оставить г. Полковника кн. Орбелиани уведомлением».

Следующая группа документов является, по существу, обычными сообщениями частных лиц о находках и пропажах лошадей по Кабардинскому округу первой четверти и начала второй половины XIX в.

1. ЦГА КБАССР, ф-2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 2, с. 74.

2. Там же, л. 80, т. 1, 1959.

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 1, л. 8. Нач. 15 янв. 1858 г., окончено: 6 февр. 1859 г., л. 80.

2. Там же, л. 80.

Первый из них сообщает о том, что урядник Д. Сергеев нашел кобылицу и разыскивает владельца с тем, чтобы вернуть ее.

Если б нашедший кобылу и написавший рапорт, просящий «распоряжения о розыске хозяина к найденной кобылице»¹ командир сотни есаул Сердюков были бы осведомлены о тамгах как горцы, то они не могли б не догадаться, что перед ними лошадь с тавром известной во всей Кабарде фамилии Шалбаровых. Но из-за отсутствия у казаков повсеместного обычая таврения скота, следствием чего явилось незнание данного тавра, заставило их обратиться для опознания к самому начальнику Кабардинского округа полковнику князю Орбелиани.

Аналогичным рапортом о найденных лошадях казаками из станицы Змейской А. Белозерским и П. Долганиным является и второй документ.² По данным документа, один мерин был «без тавра»², а тавро, зафиксированное на втором, оказалось для нас совершенно неизвестным.

«№6813
7 октября 1858
ст. Ардонская
Орбелиани

Начальнику Кабардинского округа³
господину полковнику и кавалеру
князю

Командир 13-й сотни всадник кавказского казачьего полка есаул Сердюков рапортом от 11-го октября № 311 просит распоряжения о розыске хозяина к найденной 7 числа сего октября урядником Дмитрием Сергеевым неизвестно кому принадлежащей кобылицы приметам: масти серой, росту небольшого, грива на левую сторону, на левом окороке тавро

и поперек правой губы прут— / Полковое

ваше правление сообщает об этом Вашему сиятельству, имеет покорнейше просить распоряжения об объявлении об этой кобылице по вверенному Вам округу с тем, что, если окажется 216 об. к ней хозяин, то явился бы за получением с ясным доказательством к есаулу Сердюкову и о последующем уведомить.

Председатель полковник».

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, л. 216, т. 2, 1858 г.
2. Там же.
3. Там же.

«№ 3598
6 июня 1868
ст. Ардонская

Начальнику кабардинского округа¹
господину полковнику и кавалеру
князю Орбелиани

Змейское станичное управление рапортом от 16 минувшего мая №263 доносит, что казаки той станицы Андрей Белозерский и Павел Долганин первый 13-го, а последний 14-го числа того же месяца в лесу нашли двух неизвестно кому принадлежащих лошадей меринов следующих примет: один масти рыжей, на лбу лысина, грива на левую сторону, левая задняя нога повыше щетки белая, на правой задней ноге тавро , 10 лет, а другой масти темно-гнедой,

грива по правую сторону, хвост куцый, отрезан, по спине от седельного побоя белые пятна, без тавра, 9 лет, последняя от изнурения вскоре пала. Полковое правление честь имеет уведомить об этом Ваше сиятельство для зависящего распоряжения.

За отсутствием председателя».

Несмотря на хронологическую разницу в 37 лет между третьим и четвертым архивными документами, по содержанию они однотипны и являются рапортами 1822 г. и 1859 г. о пропавших лошадях. Документы эти, как и остальные, подробно описывают внешность лошадей, упоминая при этом любопытный факт — одновременное таврение и «правой лопатки»² и «стегни»³. Поскольку наличие фамильных тамг у казаков не подтверждено в литературных источниках, мы склонны полагать, что казаки по примеру своих соседей - горцев метили коней, копируя тамги известных горских владельцев. В данном случае размещенные на казачьих лошадях тамги⁴ мы считаем нечем иным, как вариантами тамг кабардинских владельцев Мисостовых и Анзоровых.

1. ЦГА КБАССР, ф. 2, оп. 1, ед. хр. 2, т. 2, л. 218.
2. Там же, л. 168, т. 1, 1822 г.
3. Там же.
4. Там же, л. 6, т. 2, 1858 г.

«Кордонному командиру господину
полковнику и кавалеру Подпряткову*
Волгского казачьего полка есаула Коновалова
РАПОРТ

Сего месяца 11 числа днем собственная моя лошадь. молодая и малоезженная, при выпуске на подножный корм. вырвавшись из рук, бежала к стороне селений Прохладного и Екатеринограду. которую тогда догнать не могли и по многому иску негде не найдено (168 об.), о чем предства вашему высокоблагородию, покорнейше прошу не оставить вашим предписанием по кордону вашему высокоблагородию вверенному не окажется ли где таковая лошадь, приметам она я мерин караковый на правой лопатке тавро, на стегне таковых...

№ 165 июня

№165 июня
21 дня 1822 года
станция
Павловская».

«Управление Кабардинского округа **
Начальнику кабардинского округа
господину полковнику кавалеру
кн. ОРБЕЛИАНИ

Полковое управление
Владикавказского
казачьего полка
№ 2587.
26 апреля 1858
ст. Ардонекая

Змейское станичное управление рапортом от 17-го апреля №212 доносит, что 15 числа сего месяца из станичного табуна верховой конь, принадлежащий льготному казаку Алексею Мясоедову, неизвестно куда умчался, приметам он масти гнедой, грива на правую сторону, на лбу белая звездочка, на

* ЦГА КБАССР. ф. 2, оп. I. ед. хр. 2, т. I. л. 168.

**Там же, ед. хр. 2, т. 2. л. 6.

росту среднего, 7лет.

Полковое правление, сообщая о сем Вашему сиятельству (6 об.), покорнейше просит сделать распоряжение о розыске упоминаемой выше лошади в подвластных вам окрестностях и будучи окажется отправить оную прямо от себя в линейное станичное управление и о последующем уведомить правление». Если вышеуказанные архивные документы являются коллекцией тамг, бытовавших столетия назад, то судебные дела с упоминанием фактов кражи, присвоения скота, меченного тамгами, интересны тем, что в них тамги приводились с тем же назначением, которое они имели в самой горской судебной практике. С установлением русской администрации на Кавказе судебным органам часто приходилось разбираться в конфликтных ситуациях, связанных с сословными, имущественными правами горцев. Поскольку горцы в тот период практически были лишены каких-либо документов, свидетельствующих об их правах на ту или иную собственность, то родовые или семейные тамги являлись единственными документами юридической практики, способными подтвердить право и личность владельца. Другими словами, русская судебная структура в делах, связанных со скотокрадством, с этим «страшным злом сельской жизни Северного Кавказа» [2, с. 271, действовала по методу тамгового опознания имущества, т. е. она перенесла в свой следовательно-поисковый метод прием, бытовавший у горцев столетиями, без всякого изменения. Об этом свидетельствует характерное для того периода судебное дело, связанное с тяжбой между жителями аула Афипс и Новый Бжегокай Адыгеи. Из дела явствует, что 17 июля 1896 г. жители аула Афипс Исуф Ачмиз с братом Каримом и Ислам Шоуджен оставили своих лошадей в ауле Новый Бжегокай во дворе Иляса Джарим. При этом лошади исчезли. К сожалению, очень сложная скоропись, которой писан текст, не позволила прочесть текст полностью, тем не менее документ дает точное описание внешности похищенных лошадей и двух тамг шапсугских фамилий: Ачмиз и Шоуджен. Обе тамги находились на правых ляжках. Говоря об информативности документов с тамгами, приведем пример. Чем объясняется тот факт, что в 8 случаях

упоминания меченой стороны лошади приходится на левую сторону? Дело в том, что одним из «выразительных слоев культуры, теснейшим образом связанным с этикетом» [29, с. 23] у адыгов являлась «оппозиция лево — право» [29, с. 30]. Кроме того, «обычно какой бы большой ни была группа всадников или пеших, соединяться в ряд, превышающий трех человек, не рекомендовалось» [29, с. 79].

Как известно, значительная часть элементов горского, в частности адыгского, этикета родилась в условиях военно-походной жизни, «при которой наездники свои планы и действия держали в тайне» [29, с. 30], более того, есть мнение, что «даже надевали маски во время набегов» [29, с. 79].

На наш взгляд, обычай метить княжеским лошадям левую сторону, дворянским — правую, простых людей — левую, но ниже княжеского места, был порожден вышеуказанным мотивом. Ведь в самом деле, если «князь, пщы независимо от возраста занимал всегда место в центре... а почетный уорк с левой стороны князя, другой уорк, по летам или званию следующий за ним,— с правой стороны его» [29, с. 30], то именно лишь такая расстановка сословных персон обеспечивала полное сокрытие тамг от постороннего глаза и давала возможность «не быть узнанным» [29, с. 79], когда же необходимо было представить тамгу, надо было всего лишь выехать на несколько шагов вперед, и тамга говорила о фамилии и сословии владельца. Кстати, в среде горского общества практиковались и специальные приемы скрывать тамги, такие, как, например, ношение бурок с нарочно удлиненными полами, закрывавшими тамгу на ляжке, или срезание тамги с лошади, павшей во время набега.

ПРОТОКОЛ *

«1896 г. 19 июля дня я, Бжегекаевский сельский старшина Екатеринодарского отдела горец Муса Хаджимок, составил настоящий протокол вместе...»

19 июля в 10 утра явились ко мне горцы села Афипсип и Шапсугского общества Юсуф Ачимиз и Ислам Шоуджан и заявили: что мы вечером 17 числа он же июля дня... села Новый Бжегокай Иляс Джариму своровали якобы (Ачмиз

с братом, а Шоуджен один) якобы лошадей своих двух стреножили, одну простую пустили на ночь во двор Джарима... Карим вместе с двумя лошадьми хозяина Джарима и лошади принадлежащие нам... побывали со двора у Джарима уворовали, которым следует сообщить: принадлежащая Ачмизу 1 -я конь масти рыжая, лысая, 4-х лет, роста среднего,

грива на правую сторону... на правой ляжке

задней ноги и передней левой. 2-я кобылица масти гнедая, 4-х лет, роста среднего, грива на левую сторону ... задней ляжке небольшой полости белой шерсти, стоимость обоих 85 руб. и Шоуджена кобылица масти гнедой, 4-х лет рост средний, грива на правую сторону под тавром ...

задней ляжке , стоимость 45 руб. Хозяин же двух

лошадей остался у плетня во дворе. Разыскивали мы своих лошадей целый день 18-го числа».

Весьма интересным источником по изучению кабардинских тавр являются архивные документы, связанные с периодом русско-японской войны (1904 —1905 гг.). Как известно, эта война была чужда народу. Учитывая ее антинародный характер, кавказский союзный комитет РСДРП провел активную работу по разоблачению «империалистического, захватнического характера войны» [306, с. 48]. По этой причине правительству пришлось с большим трудом собрать кавалерийскую сотню из кабардинцев и балкарцев. Например, старшина сел. Догужокова Адельгери Жилоков сообщал, что «в хотники на вышеуказанную службу никто не пожелал» [306, с. 50]. Перед нами список жителей Нальчикско-Клишбиевского селения (так назывались селения Нартан и Вольный Аул, являвшиеся одной административной единицей). Из 6 всадников напротив 5 фамилий даны рисунки тамг на их лошадях. Своеобразие этого документа состоит в том, что ни одна тамга не принадлежит этим фамилиям. Дело в том, что всадников готовило чуть ли не все селение, они снаряжались за счет крестьянства, мало того, в тех пунктах, где власть господствующих классов была достаточно сильна, их снаряжали «из сельских общественных

* Дело Бжегекаевского сельского правления Екатеринодарского отдела // ЦГА ААО, ф. 21, оп. 1, дело № 195, л. 47—48.

сумм» [306, с. 50]. Солдату покупали все: от коня до обмундирования, и вполне закономерным итогом этого являлось то, что всаднику могли купить коня с тамгой любой фамилии. По приведенным в списке тамгам можно установить фамилии бывших владельцев коней. И, таким образом, на основе наших материалов, на лошади Керефова стояла тамга Тхамодоковых, на лошади Вармахова — Джамбековых, на лошади Дохова — Коновых, на лошади Кужева — Дугужоковых.

**Список участников
Из Нальчикско-Клишбиевского села *:**

лист №170 Залимгирей Керефов — гнед. кобыла-

Гилястан Вармахов - сер.-

Аслангери Дохов — кор.-

Марем Кужев - вор.-

Касым Хавов -

Шугана Шеритов — гнедой

ВЫВОДЫ:

1. Начиная с первой половины XVII в. по начало XX в. горские тамги выполняли свое сословно-владельческое значение.

2. При конфликтных ситуациях, связанных со скотом, горские тамги являлись, по существу, главным юридическим аргументом собственности.

3. Поскольку у горцев практиковалось коллективное ручательство за принадлежность той или иной тамги конкретному лицу, то тамги выступали как фактор частной, так и коллективной формы защиты имущества.

4. Русская администрация не изменила юридического значения тамги в делах, связанных с судебными тяжбами горцев, она так же использовала их, как и горцы.

5. Казаки хотя и редко, все же, на манер горцев, пользовались таврением скота, но из-за отсутствия традиционных фамильных тамг у себя, на манер горцев, пользовались графически ми основами популярных тамг соседей.

6. Архивные документы подтверждают сведения из полевого материала автора о существовании так называемого «пащ1эжьэ» — дополнительного знака, выжигаемого на губе лошади.

7. Архивные документы являются ценным источником как для изучения юридического значения тамг, так и для составления их каталога.

* Материалы о формировании сотни добровольцев из кабардинцев и балкарцев в Терско-кубанский полк для боев с Японией // ЦГАКБАССР, ф. 6,1 оп. 1, ед. хр. 618, 1904 г.